

МУХИ

ДРАМА В ТРЕХ АКТАХ

*Шарлю Дюклену,
в знак благодарности и дружбы*

Действующие лица

ЮПИТЕР.

ОРЕСТ.

ЭГИСФ.

ПЕДАГОГ.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ.

ВТОРОЙ СОЛДАТ.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ.

ЭЛЕКТРА.

КЛИТЕМНЕСТРА.

СТАРУХА.

МУЖЧИНА.

ЖЕНЩИНА.

МАЛЬЧИК.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

ПЕРВАЯ ЭРИНИЯ.

ВТОРАЯ ЭРИНИЯ.

ТРЕТЬЯ ЭРИНИЯ.

Мужчины и женщины из народа, эринии, служители,
дворцовая стража, старухи, идиот.

А К Т П Е Р В Ы Й

Площадь в Аргосе. Статуя Юпитера, бога мух и смерти. Глаза белые, лицо вымазано кровью.

Я В Л Е Н И Е П Е Р В О Е

Шествие с т а р у х, совершающих жертвенные возлияния.

В глубине сидит на земле и д и о т. Входят О р е с т
и П е д а г о г, потом Ю п и т е р.

О р е с т. Эй, добрые женщины!

Они разом поворачиваются, вскрикивают.

П е д а г о г. Не скажете ли?..

Они сплевывают, отступая на шаг.

Да послушайте же: мы путешественники, заблудились.
Мне нужно только справиться у вас.

Старухи разбегаются, роняя амфоры.

Старые клячи! Точно я посягаю на их прелести. Вот уж
веселенькое путешествие, государь мой! Нечего сказать,

хорошо вы придумали — отправиться сюда, когда в Греции и Италии больше пятисот столиц, где есть доброе вино, приветливые гостиницы и людные улицы. Эти горные жители, наверно, туристов в глаза не видывали. Проклятый городишко совсем истомился на солнце. Тысячу раз я спрашивал дорогу: в ответ — вопли ужаса, паника, тяжелый черный топот по слепающим улицам. Брр! Эти пустые улицы, дрожащий воздух и солнце... Есть ли что-нибудь на свете мрачнее солнца?

О р е с т. Я здесь родился...

Пе да г о г. Да... Но на вашем месте я не стал бы этим хвастать.

О р е с т. Я здесь родился, и мне приходится спрашивать дорогу, как случайному прохожему. Постучись в эту дверь.

Пе да г о г. На что вы надеетесь? Думаете, вам ответят? Взгляните на эти дома и скажите, на что они похожи. Где окна? Они глядят во дворы — замкнутые и наверняка темные, — а на улицу эти дома выставляют свои зады...

Нетерпеливый жест Ореста.

Хорошо. Стучу, но это безнадежно. *(Стучит.)*

Тишина. Снова стучит. Дверь приоткрывается.

Голос: «Что вам нужно?»

Только справиться. Не знаете ли вы, где проживает...

Дверь внезапно захлопывается.

Чтоб вам пусто было! Довольны ли вы, господин Орест, достаточно ли с вас этого опыта? Я могу, если вам угодно, барабанить во все двери.

Орест. Нет, оставь.

Педагог. Смотрите-ка, кто-то есть. (*Подходит к идиоту.*) Ваша светлость!

Идиот. М-м-м...

Педагог. Не соблаговолите ли вы указать нам дом Эгисфа?

Идиот. М-м-м...

Педагог. Эгисфа, царя Аргоса.

Идиот. М-м-м, м-м-м!

В глубине сцены проходит Юпитер.

Педагог. Вот невезенье! Один не удрал — и тот идиот!

Вновь проходит Юпитер.

Это еще что! Он и сюда явился вслед за нами.

Орест. Кто?

Педагог. Бородач.

Орест. Ты бредишь.

Педагог. Я видел, он только что прошел мимо.

Орест. Тебе показалось.

Педагог. Ни в коем случае. Я в жизни не видел такой бороды. Если не считать одной — бронзовой, которая украшает Юпитера бородатого в Палермо. Смотрите, вот он опять. Чего ему от нас надо?

Орест. Он путешествует, как мы.

Педагог. Как же! Мы повстречались с ним на пути в Дельфы. А когда мы сели на корабль в Ите — его борода там уже красовалась. В Навплионе мы шагу не могли сделать — он путался у нас в ногах. А теперь он — здесь. По-вашему, это, конечно, случайные совпадения? (*Отгоняет мух рукой.*) Да, мухи Аргоса, кажется, куда гостеприимней людей. Вы только посмотрите на них, посмотрите!

(Показывает на глаза идиота.) На глазу, как на торте, — целая дюжина, и он еще блаженно улыбается — доволен, что ему сосут глаза. А из этих гляделок и впрямь сочтется какая-то белая жижа, точно скисшее молоко. *(Отгоняет мух.)* Хватит, хватит! Ну вот, теперь к вам прицепились. *(Прогоняет их.)* Это должно вас ободрить: вы все горевали, что чувствуете себя на родине чужеземцем, но эти насекомые так бурно выражают свою радость, они явно узнали вас. *(Прогоняет мух.)* Ну, тихо, тихо! Не надо восторгов! И откуда их столько? Они оглушительней трещоток и крупнее стрекоз.

Ю п и т е р *(подойдя)*. Это всего-навсего мясные мухи, чуть разжиревшие. Пятнадцать лет назад их привлекла в город вонь падали. С тех пор они жиреют. Лет через пятнадцать они, пожалуй, станут ростом с лягушонка.

Пе да го г *(после паузы)*. С кем имеем честь?

Ю п и т е р. Мое имя Деметриос. Я из Афин.

О р е с т. Мне кажется, я видел вас на корабле недели две назад.

Ю п и т е р. И я вас видел.

Страшные вопли во дворце.

Пе да го г. Ого! Все это не сулит ничего хорошего. Я полагаю, государь мой, что нам лучше всего удалиться.

О р е с т. Замолчи.

Ю п и т е р. Вам нечего бояться. Сегодня день мертвых. Эти вопли означают, что праздничная церемония началась.

О р е с т. Вы, по-видимому, много знаете об Аргосе.

Ю п и т е р. Я частенько наведываюсь сюда. Я был здесь, видите ли, в день возвращения царя Агамемнона, когда победоносный греческий флот бросил якорь на рейде Навплиона. С высоты укреплений можно было

разглядеть белые паруса. *(Отгоняет мух.)* Мух тогда еще не было. Аргос был тихим провинциальным городишком, лениво сучавшим на солнцепеке. Назавтра я поднялся вместе со всеми на крепостные стены, и мы долго следили за царским кортежем, двигавшимся по равнине. А через день, к вечеру, вышла на укрепления царица Клитемнестра в сопровождении Эгисфа, нынешнего царя. Жители Аргоса увидели их лица, багровые от заходящего солнца, увидели, как они, прильнув к бойницам, долго глядели на море, и подумали: «Быть несчастью». Но промолчали. Эгисф, вы, вероятно, знаете, был любовником Клитемнестры. Прохвост, у которого уже тогда наблюдалась склонность к меланхолии. Вы, кажется, устали?

О р е с т. Я был долго в пути, да еще эта проклятая жара. Но я слушаю вас с интересом.

Ю п и т е р. Агамемнон был хороший человек, но он, видите ли, совершил крупную ошибку. Он запретил публичную казнь. А жаль. Доброе повешенье — развлекает, особенно в провинции, и несколько притупляет интерес к смерти. Здешние жители в тот день промолчали, потому что им было скучно и хотелось посмотреть на насильственную смерть. Они ничего не сказали, когда увидели своего царя у ворот города. И когда увидели, как Клитемнестра протянула ему прекрасные надушенные руки, тоже ничего не сказали. Тогда еще можно было обойтись одним словом, одним-единственным, но они промолчали, и перед мысленным взором каждого лежал величественный труп с рассеченным лицом.

О р е с т. А вы? Вы ничего не сказали?

Ю п и т е р. Вы возмущены, молодой человек? Я рад; это доказывает, что вы исполнены добрых чувств. Нет, я промолчал. Я ведь нездешний, в чужие дела не лезу. Что касается жителей Аргоса, то назавтра, слушая, как вопит от боли их царь во дворце, они опять ничего не сказали,

они прикрыли сладострастно закатившиеся глаза, и весь город разомлел, как баба в любовном жару.

Орест. И убийца царствует. Ему выпали пятнадцать лет счастья. Я думал, что боги справедливы.

Юпитер. Тише, тише! Не спешите винить богов. Разве нужно всегда наказывать? Не лучше ли было обратить смятенье на благо нравственного порядка?

Орест. Так они и поступили?

Юпитер. Они наслали мух.

Педагог. При чем тут мухи?

Юпитер. О, это символ. Сейчас я вам покажу, что они сделали. Видите эту старую мокрицу — там, вон она семечит на своих черных лапках, прижимаясь к стене; перед вами великолепный образчик фауны, кишашей в здешних щелях, черной и плоской. Я кидаюсь на насекомое, хватаю его и доставляю вам. *(Бросается на старуху, вытаскивает ее на край сцены.)* Вот моя добыча. Ну и мерзость! Эй! Чего моргаешь! Вы ведь здесь привыкли к раскаленным добела мечам солнца. Прыгает, как рыба на крючке. Скажи-ка, старая, ты, должно быть, потеряла дюжину сыновей; ты черна с головы до ног. Ну, говори, может быть, я тогда отпущу тебя. По ком ты носишь траур?

Старуха. Это костюм Аргоса.

Юпитер. Костюм Аргоса? А, понимаю. Ты носишь траур по своему царю, по своему убиенному царю.

Старуха. Замолчи! Замолчи, бога ради!

Юпитер. Ты достаточно стара, ты вполне могла слышать те чудовищные крики, они неслись целое утро по улицам города. Как ты поступила тогда?

Старуха. Как я могла поступить? Мой муж работал на поле, я задвинула все засовы.

Юпитер. Да, и приоткрыла окно, чтобы лучше слышать, притаилась за занавеской, дыханье у тебя перехватывало, в животе сладко щекотало.

Старуха. Замолчи.

Юпитер. Ох и жаркая ж у вас была в ту ночь любовь!
Вот праздник-то был, а?

Старуха. О! Господи... жуткий праздник.

Юпитер. Багряный праздник, вы так и не смогли похоронить память о нем.

Старуха. Господи! Вы из мертвецов?

Юпитер. Мертвец! Ступай, ступай, безумная. Не твое это дело, кто я. Подумай лучше о себе, о том, как вымолить прощение неба покаянием.

Старуха. О, я каюсь, господи, если бы вы знали, как я каюсь! И моя дочь тоже кается, и зять ежегодно приносит корову в жертву; и внука, которому седьмой год, мы приучили к покаянию. Он послушен, как овечка, весь беленький и уже исполнен чувства первородного греха.

Юпитер. Это хорошо. Убирайся, старая паскуда, смотри не сдохни без покаяния. В нем вся твоя надежда на спасение.

Старуха убегает.

Или я ошибаюсь, судари мои, или это пример подлинной набожности, на старинный манер, и в страхе крепость ее.

Орест. Что вы за человек?

Юпитер. Дело не во мне. Мы говорили о богах. Ну, следовало ли поразить громом Эгисфа?

Орест. Следовало... А, не знаю я, что следовало и чего не следовало, мне плевать... Я не здешний. А Эгисф кается?

Юпитер. Эгисф? Сомневаюсь. Но разве это важно? За него весь город кается. Покаянье-то берут на вес.

Жуткие вопли во дворце.

Слушайте! Чтоб они никогда не забывали криков агонии своего царя, каждую годовщину волопас, у которого самый громкий голос, вопит так в главном дворцовом зале.

Орест морщится от отвращения.

Ба, это пустяк. Поглядим, что вы скажете, когда выпустят мертвецов: Агамемнон был убит пятнадцать лет тому назад, день в день. Ах, как за это время переменялся легкомысленный народ Аргоса, как стал он близок моему сердцу!

Орест. Вашему сердцу?

Юпитер. Не обращайтесь внимания, молодой человек. Это я сам с собой. Мне следовало сказать: близок сердцу богов.

Орест. В самом деле? Стены, вымазанные кровью, мириады мух, вонь, как на бойне, духотища, пустынные улицы, запуганные тени, которые бьют себя кулаками в грудь, запершись в домах, и эти вопли, эти невыносимые вопли: так это нравится Юпитеру?

Юпитер. Ах, не судите богов, молодой человек, у них свои тайные муки.

Пауза.

Орест. У Агамемнона была, кажется, дочь? По имени Электра?

Юпитер. Да. Она живет здесь. Во дворце Эгисфа. Он перед вами.

Орест. Значит, это дворец Эгисфа? А что думает обо всем случившемся Электра?

Юпитер. Ничего, она ребенок. У него был еще сын — некий Орест. Говорят, он умер.

О р е с т. Умер! Проклятье...

Пе да го г. Ну конечно, государь мой, вам отлично известно, что он умер. Жители Навплиона говорили нам, что Эгисф приказал его убить вскоре после смерти Агамемнона.

Ю п и т е р. Некоторые утверждали, что он остался жив. Будто бы убийцы, охваченные жалостью, покинули его в лесу. И будто его подобрали и воспитали богатые афинские буржуа. Что до меня, я желал бы ему быть мертвым.

О р е с т. Почему, простите?

Ю п и т е р. Представьте себе, что в один прекрасный день он явился бы к воротам этого города...

О р е с т. Ну и что?

Ю п и т е р. Послушайте, встретить я его здесь, я бы ему сказал... я бы ему сказал следующее: «Молодой человек...» Я назвал бы его «молодой человек», так как он вашего возраста примерно, если жив. Кстати, сударь, не скажете ли вы мне, как вас зовут?

О р е с т. Мое имя Филеб, я из Коринфа. Я путешествую с целью расширения кругозора, со мной — раб, который был моим наставником.

Ю п и т е р. Прекрасно. Итак, я сказал бы: «Молодой человек, уходите! Что вам здесь нужно? Вы хотите предъявить свои права? Полно. Вы горячи, крепки — из вас вышел бы храбрый командир в армии, полной боевого задора. Вы найдете для себя дело получше, чем царствовать над полумертвым городом, над городом-падалью, истерзанным мухами. Здешние жители большие грешники, но они вступили на путь искупления. Оставьте их в покое, молодой человек, оставьте их в покое, отнеситесь с уважением к мукам, которые они на себя приняли, уходите по-добро-поздорову. Вы непричастны к преступлению и не можете разделить их покаяния. Ваша дерзкая невинность

отделяет вас от них, как глубокий ров. Уходите, если вы их любите хоть немного. Уходите, иначе вы их погубите: если вы их остановите, если хоть на мгновение оторвете от угрызений совести, грехи облепят их, как застывшее сало. Совесть у них нечиста, им страшно, а запах страха, нечистой совести услаждает обонянье богов. Да, эти жалкие души богам по вкусу. Хотели бы вы лишить их благосклонности богов? А что вы дадите взамен? Спокойное пищеварение, мирную, безрадостную провинциальную жизнь и скуку? Ах, скука — быт счастья. Счастливого пути, молодой человек, счастливого пути. Мир в обществе и мир в душе — так неустойчивы: не трогайте, а то разразится катастрофа. *(Глядит ему в глаза.)* Чудовищная катастрофа, которая обрушится на вас».

Орест. В самом деле? Так бы и сказали? Что ж, если бы этим молодым человеком был я, я ответил бы...

Меряют друг друга взглядом. Педагог покашливает.

А, пустое, не знаю, что я ответил бы. Может, вы и правы, к тому же все это меня не касается.

Юпитер. В добрый час. Хотел бы я, чтоб Орест оказался столь же рассудителен. Ну, мир вам, надо идти, у меня дела.

Орест. Мир вам.

Юпитер. Кстати, если вам мешают мухи, вот средство от них избавиться. Посмотрите на этот рой, который жужжит вокруг вас: я щелкаю пальцами, делаю жест рукой и говорю: «Абраккас, гала, гала, це, це». Глядите: они падают и расползаются по земле, как гусеницы.

Орест. Клянусь Юпитером!

Юпитер. Пустяки. Скромный светский талант. Я дрессирую мух в часы досуга. До свидания. Мы еще увидимся. *(Выходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орест, Педагог.

Педагог. Берегитесь. Этот человек знает, кто вы.

Орест. Человек ли это?

Педагог. Ах, государь мой, как вы меня огорчаете! Неужели вы забыли все мои уроки, светлый скептицизм, которому я вас учил? «Человек ли это?» Да на свете нет никого, кроме людей, чтоб им пусто было. И с ними хлопот не оберешься. Этот бородач — человек, какой-нибудь шпион Эгисфа.

Орест. Оставь в покое свою философию. Она мне принесла слишком много зла.

Педагог. Зла! Значит, свобода духа наносит ущерб людям. Ах, как вы переменялись! Раньше я читал в вас, как в книге... Скажете ли вы мне наконец, что задумали? Зачем притащили меня сюда? Что вы здесь намерены предпринять?

Орест. Разве я говорил тебе, что собираюсь здесь что-либо предпринять? То-то. Молчи. *(Подходит к дворцу.)* Вот мой дворец. Здесь родился мой отец. Здесь потаскуха со своим хахалем убила его. И я тоже родился здесь. Мне шел третий год, когда Эгисфовы молодчики унесли меня. Вот из этой двери мы вышли. Один из них держал меня на руках, глаза мои были широко раскрыты, наверно, я плакал... Ничего не помню. Вижу огромное безмолвное здание, напыжившееся в провинциальной торжественности. Я вижу его впервые.

Педагог. Ничего не помните, неблагодарный господин, когда я отдал десять лет жизни, чтоб наполнить вашу память? А все наши путешествия? А все города, которые мы посетили? А курс археологии, который я читал для вас одного? Ничего не помните? А раньше в вашей памяти